

общаго напряженнаго оживленія, чисто юношескаго увлеченія насущными интересами дня, — въ эпоху, про которую сложилась знаменитая фраза: „въ настоящее время, когда“... поэтъ, повидимому, чуждый этой злобѣ дня, все поглотившей, долженъ былъ казаться отжившимъ свое время, архивнымъ. Если поэтъ отвернулся отъ общественныхъ, житейскихъ тревоженій, то и общество считаетъ себя въ правѣ отвернуться отъ него, и съ своей стороны сказать ему: „Иди прочь, ты намъ не нуженъ, твоя пѣсня бесплодна, какъ вѣтеръ, — иди въ свою могилу, и чѣмъ скорѣе поростетъ она травой забвенья, вмѣстѣ со всѣмъ твоимъ временемъ, — тѣмъ лучше. Наше время рѣшаетъ основныя задачи жизни практической, — наслажденіе созданіями чистаго искусства для него не нужно, и даже вредно“... И вотъ, посреди общаго развѣнчиванья старыхъ боговъ, посреди торопливаго низверженія прежнихъ кумировъ, которыми еще недавно всѣ поклонялись, на долю Пушкина выпадаютъ самыя жестокіе удары. У него, да и вообще у всей области искусства, представителемъ котораго онъ былъ признанъ, стараются отнять всякое значеніе для современности; его имя вызываетъ даже враждебныя чувства; за нимъ не хотятъ признать никакихъ заслугъ, хотя бы даже чисто-литературныхъ; словомъ, Пушкинъ „упраздняется“ изъ литературы точно такъ же, какъ въ 1837 году онъ былъ упраздненъ изъ жизни, за ненадобностью“... Г. Морозовъ находитъ даже, что по словицѣ: „крайности сходятся“, передовые представители нашей отрицательной критики 60-хъ годовъ „могли бы подать руку тѣмъ гонителямъ поэта, которые, надъ незакрывшейся еще его могилой, не скупились на слова отрицанія и осужденія“ (!). Хотя онъ соглашается дальше, что „въ усиленномъ отрицаніи выражалось горячее желаніе какъ можно скорѣе, окончательно и безповоротно отрѣшиться отъ всякихъ преданій этой эпохи, навсегда уничтожить вѣчную связь современности съ тяжелымъ, недавно отжитымъ прошлымъ“, и что въ заблужденіи этой критики, которое онъ считаетъ совершенно искреннимъ, „выразилась только черезъ-чуръ наивная, черезъ-чуръ пылкая и молодая самоувѣренность, вѣра въ свѣжія силы новаго времени, которыя создаютъ для общества новую жизнь, совсѣмъ несхожую съ прошлымъ; эта новая жизнь — казалось — тогда не должна имѣть съ прошлымъ ничего общаго, должна безъ оглядки и навсегда отъ него отвернуться, и отказаться — во имя будущаго — даже и отъ того, что было дорого прежнему поколѣнію“...

Та пора, послѣдніе 50-е и 60-е года, не обрѣтается теперь въ авантажъ; она съ такимъ усердіемъ отвергается и опровер-